

После стопки самогона и на камеру

«Песняры» несколько раз слушали народные песни в белорусской глубинке. Правда, в Заславле, Мстиславле или Несвиже это было в рамках фотосъёмок для московской и минской прессы, которые делал в основном Юра Иванов.

Мы приехали, спели с местным ансамблем — и назад в Минск. Настоящие фольклорные экспедиции организовывал ансамблю Игорь Лученок. В первую полесскую «вылазку» с ним отправились Володя Мулявин и Толя Кашепаров. А летом 1975-го, вторым заходом, с Игорем выбрался один Мулявин. Володя уже задумал первую «крупную форму» — «Песню пра Долю» — и, видимо, хотел «подзарядиться» от истоков, прежде чем приступить к работе над ней. Да и дело было летом: у всех отпуск, а он, как известно, отдыхать не умел. Но вместо «песняров» на хвост ребятам тут же сели киношники. Режиссёр Дмитрий Михлеев давно охотился за натурными кадрами для своего фильма «В земле наши корни». Но найти пару дней «Песнярам» постоянно мешали плотные гастроли. Вот Володя и «сдался» за всех (хотя потом и остальные «песняры» прокатились по деревням, но поближе к Минску).

В полесских сёлах артисты «из телевизора» дожидались, когда женщины отработают в поле (мужчины часто отказывались

«Песняры» сделали фотосессию с носителями живой белорусской песни. Примерно 1977 год. Фото: Юрий Иванов

«Песняры» в деревне Усполье спели с местным фольклорным ансамблем с лёгкой руки всё того же фотографа Юры Иванова

сниматься), приоденутся и на месте уже выпьют по стопке самогона. Тогда и начинались песни, разговоры... На первой же после отпуска репетиции мы прослушали несколько бобин с записями. И музыкальные открытия поджидали на каждом шагу: какие у бабушек гармонии нетипичные, какой своеобразный мелодизм! Мурашки бежали от их пения, от манеры, от чистоты интонаций — так по-настоящему всё звучало! Ни у профессионалов, ни в самоделя-

тельности я такого больше никогда не слышал. Никогда! Это не вырванное из естественной среды и механически перенесённое в рамки поп-музыки тирольское пение, скажем. Здесь живая, осязаемая, переданная через поколения песня. А слова? Ни один поэт не сложит их так легко и естественно при всём своём огромном словарном запасе! Просто он этой жизнью не дышит. Надо сказать, что и спустя почти полвека народная песня в Беларуси кое-где ещё сохранилась в том самом виде. Вроде урбанизация наступает, деревни вымирают, а народные коллективы дают новую жизнь древним обрядам, и кроме стариков в них участвуют дети. Может, так и возобновится преемственность, несмотря на пробелы в несколько советизированных поколений?

«Пяюць хлопцы добра, але не як мы»

Найти таких бабушек — невероятная удача исследователя. Тем более в записях Володя сразу узнавал вещи из трёхтомника народных песен и сборника Шеина, и все с интересом вылавливали знакомые кусочки «песняровских» номеров, что-то отмечали из украинского фольклора, знакомое по нашему репертуару. Тут, кстати, нечему удивляться: Полесье на стыке культур, а диалект его порой больше украинский язык напоминает, чем белорусский! (Пришлось Володе ломать голову, если песня нравилась: а вдруг её уже «осовременили» соседи-украинцы, как свою? Но однажды сознательно взяли песню с известным вариантом на украинском: Валера Дайнеко привёз из Украины красивенькую акапельную «Ой, дубе» в своей аранжировке, к которой сразу же нашли в сборниках белорусский текст.) Очень жалею, что полесские кассеты не сохранились. И в репертуар с тех плёнок ничего не попало. Но соприкоснуться таким образом с живым пением — уже было немало, особенно для молодых артистов ансамбля. Жаль, что новым людям, которые приходят в «песняровскую» тему, народной песни в том виде, в каком её слушали Мулявин с Лученком в Полесье, не услышать. Сразу иначе посмотрели бы на народ и его творчество.

Кстати, Володя тем певуньям потом во время поездки дарил пластинки ансамбля и ставил записи. Они послушали и отрецензировали: «Пяюць хлопцы добра, але не як мы». (А ведь могли сказать, что неправильно!)

МОЖЕТ, ДЖИНСЫ СНЯТЬ?

В этой поездке, как рассказывал Володя, его и Лученка настойчиво приглашали выступить в одном районном Доме культуры. Уговорить Мулявина выступать без нормальных условий всегда было

непросто, а там — пара колонок и еле живое пианино. Но согласились на творческую встречу — всё-таки жест вежливости: принимали ребят хорошо, во всём помогали... И всё время вокруг Володи, а он с ног до головы в джинсе, крутился невзрачный мужичок в костюмчике. Оказалось, местный комсомольский вожак по фамилии Домашкевич. Вопросы, вопросы, и тут он подходит к главному, что его так мучало: «Владимир Георгиевич, а вы прямо в этом наряде собираетесь выступать?» И, в ответ на удивлённый взгляд Володи, заговорил о прекрасных костюмах местной самодеятельности. Мулявин, конечно, рассвирепел. Спросил, а не снять ли ему джинсы, и послал комсомольца на три буквы. Выскочил из дворца — и в машину, лишь бы поскорее укатить. А за ним — местные музыканты. В общем, они его еле-еле уговорили вернуться. Так что концерт все-таки состоялся: и Володя остыл, и посланный босс как-то сразу перестал на джинсы обращать внимание... Кстати, в будущем он сделался большой «шишкой» в Беларуси.

Эту историю рассказываю со слов Леонида Марголина, нашего земляка из Речицы, в районе которой и происходило действие. Он же был одним из тех ребят, что уговорили Володю вернуться в тот злосчастный ДК. А сегодня Лёня — известный музыкант, работает не один год с Олегом Митяевым.

Послал райком подстричься...

Вообще, на одежде и внешнем виде у советских идеологов был конкретный «пунктик». Нас усиленно загоняли в общепринятый стандарт. Тут и родной Советский райком партии города Минска старался, и худсовет филармонии, и Министерство культуры БССР, и Белорусский ЦК. Конечно, расстояние, на которое допускалось выставить ногу вперёд, не замерялось, но границы дозволенного после таких встреч становились ясны. Скажем, после посещения райкома строем шли остригать «повышенную лохматость» перед выездом за границу. Однажды кто-то попытался указать на висевший на стене портрет Карла Маркса, у которого по этой части явно не всё было в порядке, но в ответ на «железный» аргумент услышал: «Да ты на кого замахиваешься?»

А ещё я помню ужас в глазах режиссёра фильма «В земле наши корни» Димы Михлеева, когда он, уже отсняв нас лохматыми, увидел всех до одного аккуратно подстриженными после очередной обязательной процедуры! Это за пару дней до конца съёмок, которые и без того постоянно прерывались из-за наших гастролей!.. Пришлось придумать эпизод в парикмахерской на минском Ленинском проспекте под огромными ножницами на вывеске, откуда мы и появляемся в кадре прилизанными. Кстати, мне в принципе кажется,

что при работе над «Корнями» мы делали всё, чтобы фильм не удался. Но Дима справился и с нашими опозданиями, и с необязательностью, и с неизменной занятостью. У него вышел на редкость клёвый фильм о «Песнярах»: у других вечно не устраивала то «картинка», то, тем более, звук, а чаще — весь результат. Видно, не зря Мулявин старался отметать предложения киношников: наше место, как ни крути, на концерте, на репетиции, в студии, на худой конец, но уж точно не на съёмочной площадке.

ОЧАРОВАЛИ... ВАХТЁРШУ

А худсовет перед «загранками» не только репертуар слушал и просматривал наши номера, но и утверждал все костюмы — от концертных до прогулочных, согласовывал их с райкомом. Потому, наверное, в 1971-м на фестиваль в польском Сопоте (первый выезд за рубеж!) нас отправили как дипломатов. Вокруг пляж, море, девушки, музыка, а нам приказали побриться, постричься под бокс, одели в тесные костюмы с галстуками — в общем, образ советского артиста не посрамили! Из полек в итоге впечатлили разве что билетёршу на пляже. Насмотревшись за дни фестиваля на хипарей с нематыми длинными волосами (вроде лохматого американца Криса Смitera, с которым мы сфотографировались), вслед нам, аккуратно подстриженным, при галстуках, она приговаривала: «Bardzo, bardzo...» Хорошо, значит. Только не на пляже ведь...

Но то, что нам, возможно, и не особо комфортно было в заданных рамках, всё время под присмотром дяденьки в костюмчике и администратора из филармонии, — чёрт с ним. Ощущения от первых зарубежных гастролей — какая-то нереальность происходящего. Атмосфера творчества, свободы, раскованности, а сколько артистов со всех концов планеты — будто Польша и не к социалистическому лагерю примыкала. Со многими мы успели хоть парой слов переброситься.

СОПОТ — В РАБОЧЕМ ПОРЯДКЕ

Кстати, попали мы в Сопот безо всяких прослушиваний в три тура, как в Москву. Хотя до нас ВИА от советской делегации не наблюдалось ни в одном из фестивальных конкурсов (вот и в основном состязании 1971-го Союз представляла молдаванка Мария Кодряну). Советские чиновники от культуры уже выработали для Сопота свой «формат»: Витя Вуячич, Аида Ведишева, Муслим Магомаев — это уже тогда была плеяда состоявшихся певцов, которым и доказывать-то ничего не надо было. Зато они демонстрировали неизменно высокий уровень советской эстрады. И вдруг именно у нас — около четырёх миллионов проданных пластинок, отпечатанных на всех

Одна из первых заграничных командировок «Песняров» в Польшу — нас узнать легко, несмотря на головные уборы некоторых и мои тёмные очки. Слева направо: звукорежиссёр Николай Пучинский, Валентин Бадьяров, Леонид Борткевич, рабочий сцены Даниэль Райхлин, Валерий Яшкин, Владислав Мисевич, Леонид Тышко, Владимир Мулявин, Валерий Мулявин, Александр Демешко. Фото: архив Марины Мулявиной

заводах СССР, которые в буквальном смысле сметают с прилавков. Так что «Мелодия» в рабочем порядке, безо всяких согласований, заявила «Песняров», своего лидера продаж, на конкурс фирм грамзаписи. Об этом факте нас просто поставили в известность. Насколько молниеносно всё это произошло — настолько же спокойно мы и восприняли известие. А чего париться, если тур на конкурсе всего один, тематической привязки песен нет — бери лучшее из своего репертуара, аппарат в Польше наверняка покачественнее. Сложили инструменты в футляры — и готовы! Да ради такого выезда за рубеж налегке можно и несколько часов экзекуции от пенсионеров в райкоме партии потерпеть (а они тогда, в первый раз, вдоволь над нами поизмывались!).

«КОРПОРАТИВ» ДЛЯ СВЯЩЕННИКОВ

Но вдали от идеологов случалось и отступить от установок, иногда — совершенно неожиданно. В 1972-м после концерта в Смоленске к нам подошёл незнакомец. Оказалось, помощник архиепископа Смоленского и Вяземского Феодосия, и этому последнему очень нравятся «Песняры», но на концерт прийти он не мог по понят-

ным причинам. Ко всему прочему архиепископ в своё время окончил музыкальное училище, но сейчас из всего отношения к музыке осталось лишь руководство церковным хором. И вот теперь батюшка через гонца просил войти в его положение и заглянуть в главный храм Смоленска, Успенский собор, между дневными концертами найти время и спеть для священников. Конечно, запретное слово «церковь» (тем более представавшая изнутри) привлекало во времена атеизма. С другой стороны, риск: узнай партийное начальство о нашем походе (ещё на слуху был Волжский и его последствия), точно разгонят ансамбль к чертям собачьим. Понимая эти существенные для тех лет сомнения, гость (а священника в нём, к тому же в светском облачении, ничего не выдавало, разве что некоторая неспешность в разговоре) пообещал всё сделать аккуратно («например, поедете на экскурсию»), даже фотограф будет свой человек. Сомнительный вопрос быстро решил Володя Мулявин, когда спросил, а есть ли в епархии какой-нибудь инструмент. Оказалось, имеется фисгармония. В общем, так без лишних слов и согласились.

За нами приехало несколько такси, которые доставили ансамбль прямо во двор собора. Выходим из машин, а вокруг — попы в чёрных рясах. Они сразу завертелись вокруг симпатичной Лиды Кармальской — мелкие услуги оказывали, ручки целовали. А мы потоптались вдоль длинных столов, заставленных бутылками с «Плиской» и постной рыбой. Тем временем из собора вышел высоченный дядька, тоже весь в чёрном, — тот самый Феодосий. Он принёс тысячу извинений за то, что оторвал нас от работы, предложил перекусить, чем Бог послал (по любимой рыбе лично я тогда оторвался по полной, а вот из рюмок только пригубили — как-то неудобно было в церкви). Ну а пока нас обхаживали, как на настоящем банкете, Феодосий сказал, что ему передали, мол, мы можем для хозяев что-нибудь исполнить. «Например, “Александрыну”», — предложил он. Тогда Володя Мулявин сел за фисгармонию, накачал её, и мы затанули. Сорвали аплодисменты. Потом ещё что-то исполнили. Ну а главный батюшка снова стал извиняться: «Мы вас, наверное, мучаем после концерта. Давайте в оставшееся время сами для вас споём. Только наш репертуар вам не знаком, так что берите сборник псалмов и называйте любой из них по номеру — хор всё знает. А мы ещё и расскажем, по каким случаям поём эти стихи». Кстати, очень сильно в своём многоголосии звучал этот смешанный хор — священники, женщины, которые при храме работали, служки, парень, который нас привёл... А тональность архиепископ задавал идеально — музыкант с абсолютным слухом!

Потом Феодосий передал нас на руки настоятелю Успенского собора, кстати, родом из Минска (жаль, спустя лет десять, когда

С настоятелем Успенского собора в Смоленске — нашим земляком-белорусом. И фотографировались, и концерт для священников давали на свой страх и риск. 1972 год

мы приехали в Смоленск с гастрольями, он уже не служил тут). После экскурсии мы снялись с ним в храме. А назавтра тот самый гонец передал нам фотографии и подарки — религиозные книги и вещицы разные, которые мы заныкали и никому о них не рассказывали до развала Союза. Этот парень, который снова пришёл в граждан-

ском, говорил: «Ребята, не спешите с выводами! Бог есть, поверьте! Я старший лейтенант таких-то войск, а вот как жизнь повернулась: ушёл в семинарию». Правда, мы, атеисты, стали его допытывать на религиозные темы: почему то, почему это... И на всё он давал аргументированный ответ. Мы даже разочаровались: ни на чём не поймать его!

Чуть не прикончил ансамбль своим прыжком

Знаменитый скандал в Волжском в конце 1971-го разгорелся не потому, что кто-то кому-то счета выставял. Местное телевидение решило воспользоваться негласным правом снимать последний концерт гастролей. У нас спросили разрешение, мы согласились: за съёмки «Песнярам» никогда не платили. Но погода мы здраво оценили возможности своего полусамопального тогда ещё аппарата. Короче, Мулявин от имени ансамбля от съёмок отказался. Но к вечеру телевизионщики стали устанавливать в зале камеры. Володя было завёлся, а они оправдываются: мол, дали отмашку... Тогда он предложил компромисс: снимаете только первое отделение, а мы переставляем номера, сыграем песни, где, скажем, хоров поменьше. «Песняры» всё сделали, как обещали: песни перетасовали, отделение отработали. Правда, звук записывали через единственный микрофон рядом с колонкой.

Выходим на сцену после антракта, а у камер снова включаются огоньки. Мулявин шепнул: объяви о прекращении съёмки. Я и озвучил: «По техническим причинам продолжение телевизионной съёмки невозможно». Ждём — ничего не происходит. Тогда по указанию Володи я спрыгнул в оркестровую яму к тому самому микрофону для записи звука и опустил его стойку вниз. Всё! А оказалось, чуть не прикончил ансамбль этим своим прыжком. Тем временем телевизионщики ещё немного поснимали и свернулись, концерт благополучно завершился. Но уже на следующий день Мулявина вызывает на ковёр первый секретарь обкома. Сначала партийный босс рассказал Володе о традициях города-героя Волгограда, об особом отношении к людям. Потом напомнил, как полоскали в газетах знаменитого тренера Анатолия Тарасова, как его лишили всех спортивных званий и, считай, профессии. Наконец, этот начальник прямо заявил: «Так это — великий Тарасов, а с вами представляешь что будет?» Что ответил ему Мулявин, не знаю, но сразу за этим разговором в высоком кабинете пошли письма, заметки в прессе. Например, по версии читателя «Комсомолки», я, правда не названный в письме, ударил по стойке — уничтожитель социалистической собственности, не меньше! Ансамбль обвинялся в срыве выступления и «звёздной болезни».

Короче, началась самая настоящая травля, которую все мы почувствовали на собственной шкуре. Фоном же шло, что мы за телесъёмки отгребали огромные бабки: враньё же! Ну а концерты в следующем городе, Краснодаре, отработали мы ударно — начальник отдела эстрады минской филармонии Колесниченко тому свидетель. Его вызвали, наверное, для промывки наших мозгов, а он сказал: «Так всё же отлично! Чего они от вас хотят?» И пообещал сообщить в Минске, что тревога ложная. Правда, пока он прибыл в столицу Беларуси, нас уже успели обвинить и вынести приговор.

НАС РАЗОГНАЛИ, А ДЕНЕГ — НА «ЧЕРНИЛО»

Да, после Волжского нас всех вместе и каждого по отдельности взяли в «разработку» по полной. Знакомые комсомольцы шепнули по пьянке, что первой созрела идея сослать нас в армию на перевоспитание. Но все отслужили, кроме «белобилетников» Борткевича и только появившегося Толи Кашепарова. Тогда ансамбль по настоянию руководства филармонии, на которое надавил министр культуры БССР Юрий Михневич, отправили в отпуск за свой счёт месяца на три, концерты после Краснодара как отрезало, отменяли все трансляции с нашим участием на телевидении и радио. Вроде вчера были за границей, занимали места на конкурсах, а сегодня от безысходности едва по ресторанам не разбежались. Отчётливо помню, как я сидел в Борисове у тётки и решал: пойти с горя купить «чернила» или сэкономить — деньги-то заканчивались. Ломка ещё та: ведь, кажется, месяц назад вызывали с женой такси и ехали в Борисов к её родителям, а потом на том же «моторе» в Минск развлекаться...

ПРИШЛОСЬ НЕСТИ АХИНЕЮ

Спасли «Песняров» огромные деньги, которые союзное Министерство финансов получало в виде всевозможных отчислений от выпуска пластинок и кинопроката. Наши диски, конечно, никто не собирался изымать из продажи. Ну а ко времени скандалчика на экраны вышел фильм «Мировой парень», который и вытаскил нас из кратковременного, но неприятного простоя. С его первых титров мгновенно «выстрелила» песня «Берёзовый сок» (которую выдали, кстати, целиком — теперь так не принято). Правда, больше в этом фильме «стрелять» было и нечему — там в главной роли был грузовик МАЗ. Но в песне сошлось буквально всё одно к одному: уже известные «Песняры», голос Борткевича в лучшие его годы, и песня Баснера хороша, и тон задавала ностальгический. Радио тогда засыпало просьбами поставить «Сок»! Но как её поставишь, если все

редакторы в курсе негласного запрета? И пусть белорусское Минкультуры успехи «Песняров» по-прежнему не радовали (вроде поступали гигантские суммы от работы ансамбля в госбюджет, а на долю отрасли всё равно от них приходился шиш — пресловутый остаточный принцип), но вопрос надо было решать. Дело дошло до Белорусского ЦК, чуть ли не Машеров вынужден был вмешаться. На Мулявина давили, заставляли публично извиниться за случай в Волжском, убеждали, что для коллектива это вопрос жизни и смерти: унижайся, забудь гордость, а скажи всё, как надо, чтобы правильно прозвучало. Володе даже намекнули: мол, будешь упрямитесь — новый худрук быстро найдётся. Что оставалось делать? Пришлось нести ахинею, чтобы кто-то где-то её прочитал. И «Комсомольская правда» напечатала «покаяние» со сжатыми зубами за подписью Володи. Ну а мы — сочувствовали Вове, разделяли его участь, но радовались возможности снова работать. Правда, на фоне этого скандала пришла ещё большая известность — просто наивысшей ступени! Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Вернее, «Берёзовый сок». Кстати, мы для вида поломались ещё — не спешили песню включать в концерты. Не потому, что не нравилась: мы не помнили её к тому времени. Записались-то мы ещё в январе 1971-го, когда нас перехватили из павильона музыкального фильма Владимира Орлова «Песняры», но тут же этот номер забыли. Да и медленная вещь, а таких всегда хватало — даже с избытком.

«РЕАБИЛИТАЦИЯ» С САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Но даже после такого благоприятного исхода министерские и филармонические начальники давили (сами или по научению сверху): начинайте всё сначала — завоёвывайте доверие публики. Популярность популярностью, главное — зафиксированные результаты. А грамоты, дипломы, победы в конкурсах тогда имели реальный вес, не как теперь, когда всё упирается в цену вопроса. (Потому-то столько талантов на проектах вроде «Голоса» после съёмки исчезают из поля зрения.) И чтобы падение, то самое «всё сначала», ощущалось побольше, отправили «Песняров» на республиканский конкурс политической песни в 1972-м (это после союзного лауреатства!). Конечно, такой отбор мы прошли на раз. Впечатления от последствий скандала были ещё свежи, так что с репертуаром тогда не мудрили: «Тёмная ночь», «Хатынь», ещё что-то в этом духе — в итоге первое место. А коль появился лауреат, его надо «продвигать» — всё логично. Ну а потом был III Всесоюзный конкурс профессиональных исполнителей советской песни и вокально-инструментальных ансамблей, который проходил тоже

в Минске. Пара сотен участников, и пока все выступили, прошло дней десять, не меньше.

ДИПЛОМ К УСТНОМУ «ПОМИЛОВАНИЮ»

Ну а самое яркое впечатление от финала всесоюзного конкурса (в июне 1973-го в Минске), который наконец поставил точки во всех проблемах с «Песнярами», — наш выезд на... гастроль в Польшу, куда сорвались буквально на завтра после своего выступления (на которое чуть ли не в этот же день мы прилетели с долгих гастролей по Сибири и Камчатке). Не дождалась результатов и не пожалела руку жюри (надеюсь, за демарш от строптивного ВИА это не приняли), зато «набрались» вечером по полной — выступили-то клёво! Собственно, итоги в этом конкурсе для нас уже не имели значения: всё шло в плюс. Да и сама «реабилитация» к тому времени превратилась в формальность: диплом к устному «помилчанию», принятому в верхах, облегчение и для ансамбля, и для начальников. Ведь нас заочно простили после покаянного письма Володи Мулявина в «Комсомолку». И за полтора года после скандала мы по плотному графику исколесили весь Союз, сгоняли в ту же Чехословакию, на повестке дня стоял фестиваль молодёжи и студентов в Берлине. Тем не менее у нас было первое место. Понятно, что конкуренция при таком количестве ансамблей и солистов огромная. А в то же время, коль здраво рассудить, её и не было вовсе: всесоюзно известные «Песняры» — и чуть ли не самодеятельные коллективы (к примеру, ярко засветился казахский «Дос-Мукасан» — занял третье место, считай, перешёл в другую лигу). Какие там конкурсные баталии? Тем более нам и готовиться не требовалось — пели своё каждодневное. Да и в принципе наш репертуар здорово расширился, все темы в наличии. Про войну? Пожалуйста! Народное? Вот оно! Всё по лекалам советских требований! Так что наше первое место — не только потому, что мы попадали в какую-то струю или срочно нужен был диплом, чтобы грешки «замолить». Мы, без ложной скромности, оказались в нужное время в нужном состоянии. А подтвердили это, когда исполнили ещё с «лявоновских» времён проверенную «Долури». Для таких моментов, когда надо было что-то показать и доказать, мы и приберегали её в репертуаре. Я уже говорил: чтобы такого характера вещь исполнить идеально, надо не время от времени к ней возвращаться, а постоянно держать себя в определённой форме. Наверное, нам всё удалось, раз знаменитый хоровой дирижёр Владислав Соколов, сидевший в жюри, не поверил, что белорусы могут так исполнить грузинский материал. Кстати, среди судей была и Александра Пахмутова. Это оказалось нашим первым знакомством с ней.

«Если пришли — значит, заберёте»

Когда с лирикой и героикой определились, Володя стал искать народный голос. И как раз перед историей с Волжским мы прослушивали Толю Кашепарова по рекомендации Бронислава Сармонта, руководителя ресторанного коллектива, где Толя пел по вечерам (а Сармонт уже отметился в истории «Песняров» — «подогнал» нам «Ой, рана на Йвана»). Причём Броник «сватал» нам Кошу (и не один год, ещё со времён «Лявонов») очень своеобразно. С одной стороны, держался за него, а с другой, понимал, что «Песняры» — это предложение, от которого не отказываются. Помню такие разговоры с Броником: «Я же знаю, что вы его заберёте. Услышите — и заберёте. Жалко, но я же не могу его привязать». Мы Сармонту перечили: «Броник, откуда ты знаешь? Мы же даже не заглядывали ещё в “Интурист”!» А он нам: «Знаю, я взрослый человек! Если пришли — значит, будете забирать, тем более вам голос нужен». Так и получилось. Когда услышали в ресторане голос Толи, спорить с Броником уже никто не стал. И Мулявину этого с лихвой хватило для приглашения Толи. А моё личное впечатление? Какой же у него необыкновенный голос — таких не бывает! И это снова оказался природный дар, как и у Лёни Борткевича: ещё один великолепный самоучка без консерваторий — студент минского политеха.

ПЕРЕПЕЛ МУЛЯВИНА

Уже в процессе репетиций Володя Мулявин ставил Толе дыхание, но это были обычные рутинные моменты, адаптация нового голоса под будущую работу и нагрузку. И сразу сильный старт: «Спадчына» Игоря Лученка на стихи Янки Купалы — одна из первых песен Игоря в «песняровском» репертуаре, которая аккуратно дополняла наш образ «народников». Какие там вокализы, интонации! Думаю, сам Мулявин, когда спел эту вещь на стыке веков, не превзошёл Толю (может, потому что делали её в порядке «латания дыр» в ансамбле), хотя всё в новой версии было под голос и драматическую манеру Вовы. А вот «Добры вечар, дзяўчыначка» Коша и Володя поют один другого не хуже. Правда, это шуточная песня, а не патриотика.

В «Песні пра Долю» Толя превзошёл себя и в сольных номерах (а их хватало — главная роль), и в сложнейших партиях с Людой Исуповой. Сегодня переслушиваю всё это и не устаю поражаться мощи их голосов. А с первых же хоров восхищало, как идеально звучали в аккорде Кашепаров и Борткевич. Хотя образы — на контрасте, но людям это нравилось: получалось, «попадали» в сердце каждому. Эти двое в какой-то момент стали лицом коллектива

(тут всё логично: запоминается не хор, не оркестр, а фронтмены). И когда в газетах и журналах по западному образцу появились графики-рейтинги лучших певцов Союза, то и Борткевич, и Кашепаров в них фигурировали по многу лет.

С приходом Коши окончательно укрепилось знаменитое сравнение «песняровских» пачек с кошачьим визгом. Кстати, в том числе из-за этого и Валера Дайнеко не особо стремился в «Песняры», хотя получил приглашение в ансамбль после первого же прослушивания в начале 1970-х. Но вообще даже ещё раньше — благодаря впечатлению от его работы в ансамбле ресторана «Каменный цветок». (Приглашение это периодически «пролонгировалось» Мулявиным, хотя тогда Володю немало смущало, что пацан талантливый, но пока что учится на дневном отделении в музучилище.) Дайнеко рассказывал потом, что на записях ансамбля ему не понравилось звучание вокала вообще. А вот когда он побывал на концерте с тем же примерно репертуаром, мнение кардинально изменилось. Валера так и сказал нам: «Я офигел, когда услышал живём!»

Дворец Магомаева «открыли» «Песнярам»

Золотые времена для «Песняров» начались, когда сплошняком пошли большие залы. Сначала — много цирков. Сложности никакой, только короткая адаптация к круглой площадке. Но мы на взлёте ни от какой работы не отказывались. Так же и организаторы были готовы ради недели выступлений «Песняров» буквально на всё. Помню, как однажды из-за нашей серии концертов приостанавливали программу цирка лилипутов. Так что циркачи не особо радовались нашему «вторжению». Ну а потом — бесконечные Дворцы спорта, которые как раз отстроили по всему Союзу, или примерно такой же вместимости прочие залы. Площадки такие первое время считались суперпрестижными, а в отдельных республиках пеклись в первую очередь о местных звёздах. Например, в Баку Дворец Республики под сольные концерты давали только своему — Муслиму Магомаеву. Он работал там раз в два-три дня, то есть нам светил исключительно Дом офицеров. Там мы отыгрывали по три концерта в день — конечно, из финансовых соображений. На один из них пришёл министр культуры Азербайджанской ССР. За кулисами он спросил даже, почему даём по три концерта — тяжело будет: «У вас ведь такие напряжённые выступления — берите пример с нашего героя». Мы, помнится, промычали что-то в духе: «Народ же ходит...» И вот после этого случая нам «открыли» дворец — стало ещё тяжелее. В под завязку забитом дворце местные экономили на кондиционировании, и уже на первом

Все годы, что я работал в «Песнярах», такие огромные аудитории просто не могли не впечатлять и не заряжать энергией! А ведь так, как на этом фото из минского Дворца спорта в конце 1970-х, было и по десять — двадцать концертов кряду. Фото: Юрий Иванов

концерте к страшной жаре снаружи добавилась ещё и дикая духота внутри. Вечерний концерт, как правило, спасал приход начальников: тогда зал вентилировался по полной.

НА СТРОИТЕЛЬНЫХ ЛЕСАХ

Дворец спорта выпивал всю кровь, концерты шли по пять — десять дней в крупном городе, да не по одному в день. Поездки даже выстраивались так, чтобы в одну гастроль попадало не больше двух дворцов. Но один — это как пить дать. А что такое Дворец спорта? Это огромный «ангар», который надо как-то «озвучить» без толковой аппаратуры. Даже в Минске это долго-долго были просто стены и крыша. (Их возведение, кстати, приличное время тормозила Москва: там считали, что «сарая» Трудовых резервов для столицы республики вполне достаточно.) Нам ещё везло — помогали строители, с которыми «Песняры» тесно общались в те годы (с братом

совминовского начальника этой отрасли музыкантом Аликом Волочинским мы дружили). Тогда не было подвесок для аппаратуры, а техники у нас появилось достаточно (откуда и фура, которую таскали за собой по всему Союзу), и хотелось её использовать по максимуму. Так вот, к нашим концертам во дворце возводили настоящие строительные леса от пола до потолка, и весь аппарат устанавливали на них. Других приспособлений просто не существовало.

ШЕСТИДЕСЯТ ШЕСТЬ, НО С ВОДКОЙ И С ДАМОЧКОЙ

За выступления в этих многотысячных залах стали платить по двойной ставке — шестьдесят шесть рублей. Но дворец — это когда публика энергетически (правда, тогда это слово к артистам не применяли) и «жрёт» тебя, и раззадоривает. И сам ты возбуждён, увлечён, на сцену пустым, как барабан, не выйдешь. Но после ощущаешь себя выжатым лимоном. Сейчас часто говорят артисты, что словили кайф от концерта. И у нас так было. Другое дело, что был дикий перегиб по количеству — до четырёх выступлений в день (порой они совпадали с перелётами-переездами). А более-менее ровно сыграть и спеть три-четыре концерта подряд просто невозможно, даже пару в день едва ли вытянешь на одном уровне (а два выступления при таком ненормальном графике считались выходным!). Так что кайф получался от первого концерта и, особенно, от последнего. Но только попробуй схалтурить на нём — следствие, суд и приговор будут молниеносными. (Хотя о барабанщиках ходила шутка, мол, бешеный темп нагоняют к ночи.) Ну а дальше в гостиницу, водочка-коньячок, с дамочкой пообщаться... А как ещё себя привести в порядок, если завтра ждёт то же самое?

Во дворце ледовое покрытие? Значит, после холодной парилки гарантированно простынешь или голос сорвёшь. Подстраховки никакой: ни фонограммы, ни даже «подписок» сложных кусков. Так что вокалисты сразу протаптывали знакомую дорогу (проект у многих «храмов» спорта был типовым) в лечебные кабинеты спортсменов на ингаляции, а то и стаканом водки «стабилизировались» уже после трёх концертов в пограничном с болезнью состоянии. Впрочем, молодость и дана для таких подвигов.

«СВЕРХУРОЧНЫЕ», А НЕ «ЛЕВАК»

После недели с тремя-четырьмя выходами в день никто уже не разбирался, в какой ведомости расписывался. Но раз есть документ, значит, мы не «левак» отработали. О таком мы знать не знали и не хотели даже знать. А то и боялись. Правда, пару раз было — нам предлагались мутные концерты мимо кассы. Таких администраторов сразу посылали и старались больше с ними не связываться.

Сборная СССР по хоккею на нашем концерте в конце 1970-х. В центре — знаменитый Владислав Третьяк

Наверное, только круглый дурак замарал бы свою «золотую жилу» хоть намёком на нечистоплотность.

Ну а концерты эти стахановские назывались «фондовыми». Проводились они повсеместно по простой схеме: если фонд заработной платы принимающая филармония выработала, мы играли концерты строго по договору с Белгосфилармонией — на её же фондах. Например, десять дней и столько же выступлений — по одному каждый вечер. Но имеешь желание, силы и здоровье — выступай ещё, трудовое законодательство не запрещает. И если Виктор Вуячич получал за концерт сто десять рублей, то мы «догоняли» финансовую часть количеством. Главное, чтобы организаторы заранее выкроили деньги в своих фондах. И они ужимались всеми правдами и неправдами: прибыль от приезда «Песняров» в 1970-х покрывала с лихвой все бреши! Мы и сами охотно хватались за фондовые концерты: за «сверхурочные»-дворцовые, по двойной ставке, платили сразу, а за договорные — раз в квартал. Так какой смысл нам ждать?

«ВЫ ЖЕ ПАТРИОТЫ!»

Правда, фондовые концерты стали костью в горле минской филармонии. На её счёт «капала» прибыль только по договорным выступлениям. Видимо, немаленькая, раз «проведать» нас, похвалить за перевыполнение плана (и свои премии) не раз приезжали

директора филармонии или даже замминистра культуры БССР. Но в какой-то момент белорусские начальники обеспокоились вот чем: принимающая сторона «огребала» за одну гастроль «Песняров» вдвое-втрое больше. Помню, как заведующий отделом культуры ЦК Компартии БССР Иван Антонович вместе с министром культуры Юрием Михневичем упрекали нас, что из-за наших фондовых концертов бюджет родной республики недополучает. «Вы же патриоты!» — такой был аргумент. Мы кивали, но ссылались на то, что это вопрос к принимающим организациям, почему они не заключают договор с родной филармонией на большее количество концертов и работают на свои фонды. А так мы, конечно, патриоты и потому честно, много и усердно работаем: «Ведь и в других городах живут советские люди — для них стараемся!» В общем, ситуация зашла в тупик: всё законно, нарушений нет, наказывать нас не за что, чиновникам оставалось взывать к нашей совести (кстати, безуспешно). А в Минске и в Беларуси в целом мы и правда не частили с концертами: всё-таки республика небольшая, а приесться публике, работая только на родную филармонию, — дело нехитрое.

СКОЛЬКО БРАЛ «ВЫСОКООПЛАЧИВАЕМЫЙ СКРИПАЧ»?

Выгоднее всего в ансамбле какое-то время работалось новичкам-инструменталистам, особенно на «непрофильных» инструментах. Если вокалист, гитарист или пианист выучивали партию по нотам предшественника либо вообще прописывали свою, а дальше бросались в бой, то для тромбониста и трубача поначалу просто не было партий в песенном отделении (да и в крупной форме всего несколько кусков под них). Поначалу им даже показывали пальцем на места в нотах, куда им надо было вставить партии в песнях текущего репертуара, — сочиняйте! В итоге трижды в день они попадали в напряг, а остальным вроде как и не обидно: на свои шестьдесят шесть рублей за концерт эти пацаны худо-бедно «надували». Коротче, не было в Союзе понятия сессионных музыкантов!

Но самая невероятная халява с заработками, конечно, досталась Чесику Поплавскому (с ним Лёня Борткевич раньше выступал в «Золотых яблоках», вот и привёл приятеля на место Бадьярова). Поплавского принимали в состав как скрипача, кстати с хорошим звуком. (Что касается вокала, то второй нижний голос вдобавок к Тышко, который и так справлялся, казалось бы, перебор в «кошатнике», но и хуже не стало.) Готовых партий, естественно, ровно ни одной. Так что первое время он выступал в более чем «оригинальном жанре». Концерты начинались выходом Борткевича и Кашепарова с колёсными лирами. К ним и приписали Чесика: они крутят свои «мясорубки», малую и большую, а он

на скрипочке тянет аж минуту. После этого Поплавский уходил за кулисы и ждал два часа следующего концерта. За каждый выход Чесик получал те же шестьдесят шесть рублей, как и все («Песняры» как раз успели зарядиться по Дворцам спорта), то есть по двести рублей в день за шесть минут работы. Мулявин в своём остром стиле сказал на следующий день после дебюта Поплавского: «Чесик — один из самых высокооплачиваемых скрипачей в Советском Союзе». И правда: получал как Ойстрах, только не за концерт, а за одну ноту.

КТО КРИЧАЛ ВО ВРЕМЯ «КРИКА»?

Но поскольку эти почти сессионные музыканты немало времени проводили за кулисами, они нет-нет да и попадали в историю. Во времена «Гусляра», помню, один из «сессионщиков» (а это не только духовики) за кулисами «склеил» себе подругу. Да так быстро у них сложилось, что на ящиках за сценой и пошёл процесс — как раз на последней вещи, «Крике птицы». Песня закончилась, а Мулявин сразу после концерта ко мне подходит и спрашивает: «Пока пел, мне всё казалось, что рядом какая-то баба орёт. Ты не слышал?» Я пожал плечами, но взял вопрос на заметку. Источник звуков, конечно, успел скрыться, зато их причина мирно покуривала в закулисье. Оказывается, парочка ждала финальной распевки Володи пуще самых преданных фанов в зале — так они разгорячились, что едва сдержались до апогея «Крика». Но Вовиной невозмутимости на сцене, чувству образа можно только по-хорошему позавидовать!

ОГУРЦЫ В КОЛЬЧУГИНЕ

По гастролям «Песняры» колесили, как и с «Орбитой-67»: за сутки плюс оклад в сто с небольшим рублей. Причём в бытовом плане с нашей победой поначалу ничего не изменилось. Помню, как поехали в Москву, а потом оттуда каждый день выезжали в Дома культуры по Московской области (так было дешевле). В городе Кольчугин (там военный завод был) ни столовая не работала, ни магазин — или замок на двери висит, или окна заколочены. А у нас два концерта. Спасли нас сердобольные билетёрши, принесли из дома хлеб, мясо и гору солений, особенно огурцов. Но чаще всего в таких поездках по молодости проедали-пропивали-прогуливали половину квартальных: максимально таких выплат за три месяца выходило тысячи две, минимум тысяча, обычно же всего тысяча двести рублей: за самый «хлебный» год больше десяти тысяч никак не заработаешь. Конечно, деньги легко спускались на выпить-закусить. Тогда нам казалось, что везение, успех —

навечно (хотя реальная востребованность «Песняров» оказалась лет на двенадцать-тринадцать, начиная с Конкурса артистов эстрады). И мы ведь не «битлы», вдруг ставшие миллионерами, чтобы переругаться на четвёртом-пятом году: у всех один доход.

МЕБЕЛЬ ЗА КОРОБКУ ШОКОЛАДА

А что с новыми ставками у нас изменилось? Вместо водки перешли на коньяк. Были подарки жёнам: своей, к примеру, на первую квартальную выплату по новым ставкам (рублей триста вышло) купил в Смоленске кольцо с крупным рубином за столик с небольшим. Ну а потом всё, как у всех: очереди на мебель (туда жён часто ставили — я тоже), на жильё, на технику. Кстати, самая удивительная мзда из того времени — это коробка швейцарского шоколада, с помощью которой Лёня Борткевич обошёл солидную очередь на югославскую мебель. Директор магазина пользу сувенира оценил: твёрдая валюта в советских условиях! А я свою такую же коробку жене отдал: даже не догадывался, что швейцарский шоколад — лучший в мире...

«ПОБЕДИЛА» БАЛЕРИНА

Ещё статья расходов — инструменты: с первых нормальных выплат за полторы «штуки» взял французский саксофон. Ну как взял — достал из-под полы: преподаватель из музучилища Яша Лосев шепнул, к кому обратиться. Тогда же для дочки приобрёл борисовское фортепиано за пятьсот рублей — всё пытались с Татьяной сделать из Каролины творческого человека. Ну а что? Я — музыкант, жена — балерина. Но с музыкой ничего не вышло: слух есть, но ни играть, ни петь по-серьёзному Каролина не пыталась (хотя я постоянно заставлял ещё маленькую дочку что-то распеваящей по углам квартиры). В итоге «победила» балерина. Правда, Каролина говорит, что родители за неё всё и решили — всё-таки не особо нравилось ей в училище, как теперь признаётся дочка. Не была она, мол, такой, как современная молодёжь, как её сын Майкл, который уже школьником знает, чего хочет.

Другое дело, что моя «песняровская» известность Каролине не всегда помогала, когда у неё пошли собственные заслуги. Любой мало-мальский успех, начиная с училища, — кивают в сторону «носатого» из «Песняров». Ей от этих намёков больно, хотя все знают, что не я ей ногу тянул у балетного станка. Только Каролинка упорная. Сначала в школе, которую в своё время окончила, она преподавала хореографию. (Кстати, у неё учился Валерка, сын Володи Мулявина, и Каролина очень хвалила музыкальные и танцевальные способности парня. Правда, и жаловалась не раз: то пропустит

Чебоксары. Повод для съёмок — имя дочки на лодке. Решили мы сняться с Володей Мулявиным, но в кадр заходили всё новые и новые люди — в итоге получилось это фото

занятия, то опоздает...) А потом она меня наповал убила главной ролью в «Зойкиной квартире» минского Молодёжного театра, где дочка служила! Прекрасный спектакль, тем паче что Булгакова мы тогда и не знали, кроме «Мастера и Маргариты».

«А почему не на “Волге”?»

Но и с огромными по советским меркам заработками богачами, хотя бы в пределах республики, мы так и не стали. Нас воспитывали в том духе, что дело — прежде всего, поэтому цели накопить или закупиться какими-нибудь шмотками мы не ставили. Все, начиная с Мулявина, по пять лет в одной дублёнке ходили, да и машины раз в год никто не менял. Кстати, мои оренбургские дружки допытывались, когда я приехал навестить родных уже после конкурса: «А почему не на “Волге”? Говорят, вам после конкурса каждому выдали по машине». И как я ни отпирался, что никаких машин мы не получали, кажется, мне так и не поверили. А свои первые «Жигули» я купил в 1975-м за семь тысяч рублей. Просто если рядовой гражданин копил на такую покупку минимум лет десять, то я справился за пару-тройку.

Один звонок — пятьсот рублей

Ну и очередь, конечно, была, так что обошлась мне машина, как и всем нашим, с дополнительными финансовыми вложениями.

Но не ради того, чтобы обойти очередь, а чтобы она хотя бы подошла в срок! Ведь с теми машинами как было? Филармония составляла списки, подавала их в Министерство культуры, а дальше шло распределение по факту прибытия машин. И наличие твоей фамилии в списке ещё не гарантия её получения. К примеру, фамилия «Мисевич» указывалась там несколько раз (причём однажды машина шла специально для меня с конвейера «ВАЗа»), а всё равно министр культуры отписывал авто, наверное, более ценному сотруднику филармонии. После всех обломов (на раз третий или четвёртый) я через знакомых вышел на соответствующий отдел в Совете министров БССР. Один звонок его начальника напрямую министру культуры Беларуси — и я получаю «Жигули»! Правда, это минутное общение обошлось мне в пятьсот рублей... Конечно, можно было напрямч Володю Мулявина, и тоже всё решилось бы — разве что за неделю, а не за пару минут. Но и без этой «бытовухи» проблем у него хватало — зачем обременять человека?

ЧТОБЫ БЛЕСТЕЛО И БАЗАР БЫЛ РЯДОМ

Правда, первые квартиры очередникам из «песняров» пошли с лёту и безо всяких дополнительных вложений в чью-то лапу. Жильё предложили мне и Шурику Демешко — уже семейным и с детьми. Мало того что бесплатно, так ещё и с вариантами: даже тогда это казалось чем-то запредельным, особенно после казармы и общаги. Хочешь — бери в центре двухкомнатную квартиру в доме за Оперным театром, хочешь — в новом фонде у знаменитого Комаровского рынка. Конечно, просторная квартира была в кирпичном доме возле театра, но старая, и приводить её в порядок пришлось бы не один месяц. А возле Комаровки — чистота: новый дом, пятый этаж, обои, краска. Так и выбрали с женой единодушно. Правда, сейчас кажется, что уровень мышления у нас был ещё тот: чтобы блестело и базар был рядом. А хваткий Шурик взял по-solidнее: двухкомнатную над магазином «Природа» на центральном Ленинском проспекте, в новый дом даже смотреть не поехал. Да, тесновато там оказалось, зато место козырное. А вот следующим в очереди оказался Лёня Борткевич: вроде и поработал недолго, но в связи с рождением ребёнка заселялся в новостройку на улице Восточной.

Ну а те, кто разводился, проходили эти круги по несколько раз: в «Песнях» было заведено, что квартира — бывшей жене.

КАК «ПЕСНЯРОВ» В УКРАИНЦЫ АГИТИРОВАЛИ

Но все мы могли получить и киевскую прописку. За кулисами перед одним из первых концертов в Киеве нас к себе переманивал

(иначе и не скажешь) министр культуры Украинской ССР. Причём в какой момент: «Песняры» уже гремели, а жилья и каких-то бытовых удобств ещё ни у кого не было. Так что всё звучало убедительно донельзя. К примеру, министр рассуждал, коль Мулявин русский, то с тем же успехом при всемерной поддержке от руководства республики ансамбль мог бы работать с украинским материалом. Предложение казалось очень заманчивым, ведь тогда у нас за спиной не было ещё негласной поддержки Машерова. Ну и предлагали жильё: Володе — квартиру на Крещатике, остальным — сразу же кооперативы. Думаю, не только у меня что-то дрогнуло: ведь все, кроме Володи, жили тогда в общеаге. Тут бы по-хорошему что-то разузнать, может, поторговаться, но Мулявин как-то спокойно сказал: «Надо подумать, предложение серьёзное. Заходите после концерта». Министр для вида ещё поднажал, мол, тут и думать нечего: такое предложение, такие перспективы. Но, по-моему, после выступления никто к нам по этому вопросу больше не подходил. Другое дело, почему Вова сразу спустил ситуацию на тормозах. Не верил в обещания министра? Помнил, как тяжело эстрадным ансамблям дышалось в Украине? Не хотел для «Песняров» второго места после всемерно поддерживаемой местным Минкультуры «Кобзы»? А может, побольше нас знал о планах относительно ансамбля в Минске? Ведь у нас буквально после этого разговора и пошли квартиры. Кстати, спустя год украинского министра культуры сняли с поста. Тогда все вздохнули с облегчением: всё равно бы не успел он ничего из обещанного нам осуществить.

ПАСПОРТ В ВИНЕ И ДОСТОЙНЫЕ ЛЮДИ

Ну а в своё время мы убедились: если уж переезжать, то только в Грузию! Из всех поездок в Тбилиси больше запомнилась одна — во второй половине 1970-х, когда нас встречал бывший руководитель ансамбля «Орэра» Роберт Бардзимашвили — тогда уже лидер «ВИА-75». Первым делом мы удивились его иномарке — в Москве таких не было даже у членов Политбюро, а в Тбилиси хватало, и не только у артистов. Ну а кроме работы (по-моему, неделя по два выступления в день) нас постоянно приглашали «достойные люди». Роберт везде с нами ездить не мог и лишь приговаривал: «Ребята, не подведите...» Во всех домах, внешне от наших панелек не особо отличавшихся (разве что балкон побольше), всё импортное: от посуды до мебели. И каждый день экскурсии в подвалы с коньяками, дегустации. Результат? Когда в день вылета начали пить с начальником аэропорта (достойнейший человек!), он задержал наш рейс. Пока непьющие «песняры» томились в зале ожидания, остальные отправились к нему домой: уже было ясно,

что, пока мы не вмажем как следует, самолёт на полосу не выедет. В общем, спасали ситуацию. Правда, в Минск я вернулся без паспорта. Обыскал всё — нет! Конечно, сразу написал заявление об утере, начал восстанавливать документ, а через пару недель приходит мой выдавший виды «серпастый-молоткастый» — весь залитый вином.

ДВОРЦОВЫЙ «ПЕРЕВОРОТ»

Конечно, союзное Министерство культуры двойные ставки нам вскоре срёзало. Объяснили это так: дворец не дворец, а программа и её продолжительность от этого не меняются. Не знаю, как другие ансамбли, а «Песняры» спорили с чиновниками, пытались доказать, что играть в «красном уголке» минимум два раза в день перед нередко ледяным залом или перед «десятитысячником», как в Киеве например, — разные вещи. «Не хотите — не работайте!» — вот и весь ответ. Тогда между собой мы решили, что с дворцами пора завязывать: пускай тридцать три рубля — будем переходить на зальчики поменьше. Но на ансамбль, лично на Володю Мулявина наслало руководство филармонии. Благодаря нашим переаншлагам на крупных площадках организация гордо несла очередное переходящее знамя, содержала все коллективы, отказалась от государственных дотаций, выплачивала солидные премии своим сотрудникам, особенно

Даже в закулисье между концертами мы отдыхали недолго — в основном репетировали или говорили о музыке. Слева направо: Владимир Ткаченко, Владимир Николаев, Владислав Мисевич, Леонид Борткевич, Анатолий Кашепаров, Анатолий Щёлоков, Владимир Мулявин, Александр Демешко. Один из Дворцов спорта, 1980 год

администрации. В общем, Володя нам объявил, что отказать не может. Что делать? Свыклись. Только я и сегодня уверен: люди, которые отменили двойные ставки, ни разу не выходили на сцену. Они не понимали сути нашей профессии — ладно энергетической, даже чисто физической отдачи артиста перед большим залом. Если у групп типа The Rolling Stones случалось по два-три концерта в день, то они на сорок минут выходили, а не по два часа упирались, как «Песняры». В общем, Дворцы спорта ещё лет десять шли всё тем же косяком по нескольку раз за день, но уже по тридцать три рубля.

«У ВАС, РЕБЯТА, В ОБЩЕСТВЕ ПЕРЕКОСЫ...»

А за рубежом «Песняры» обычно давали по концерту в день: раслабуха! Таковы были условия наших гастролей с принимающей стороны, при том что в тех же капстранах был интерес к тому, чем дышат в популярной музыке Советы (теперь такого отношения точно нет ни к российской, ни тем более к белорусской музыке). Ну а поляки, чехи, югославы, восточные немцы даже при огромном спросе в Союзе не утруждались лишними выступлениями. Как и дома. И когда узнавали, как мы «пашем» на гастролях по Союзу, крутили пальцем у виска. Мы объясняли, что советские — особенные артисты, у нас и зритель, и вся страна такие. В общем, гордились родной, особенно когда представляли её за рубежом, и своим «стахановским» трудом. Но болгарка Лили Иванова как-то не выдержала этого трёпа и прямо сказала: «У вас, ребята, страна особенная оттого, что в обществе перекосы. Когда появится ещё десять групп вашего уровня и вы не будете королями, как сейчас, всё пойдёт как у нас: не будет ста концертов в месяц, зато станете радоваться каждому выступлению».

СКАЗКА СТАЛА БЫЛЬЮ

Так и вышло спустя двадцать лет, когда что новыми, что старыми артистами всё заполнено и лавина их музыки несётся через сотни станций и каналов, не говоря уже об интернете. В итоге наши два-три концерта в день, оказалось, можно для хорошего творческого самочувствия заменить двумя-тремя в неделю. (Хотя у «Белорусских песняров» бывали и два, и даже пять выходов в день, но речь не о Дворцах спорта, конечно, а о «корпоративчиках».) И так живём не только мы, но и практически все артисты. Это не на десять дней «заряжаться» на одной точке — ради одного-единственного концерта добираться туда, куда нога «Песняров» никогда не ступала. Кстати, особенно легко работается, когда «поляна» чистая: кто приехал, того и запомнят — что на стадионе, что на чьём-то юбилее. Ещё греет и цифра гонорара — такую себе

и в зените славы не представляли. Сказка! И мотивация не прихрамывает, и перспективы роста видишь чётко, и не за убиенную колхозную свинью выступаешь!

А дочка говорит: «Не звездил»

Не думаю, что дикая популярность или приличные деньги кого-то из «песняров» радикально изменили. Разве что гибкости стало побольше во взаимоотношениях, в том числе семейных. Скажем, я, считай, пропустил детство дочери. Каролина даже родилась, когда «Песняры» укатили в свою первую загранку на сопотский фестиваль. И дальше частенько по гастролям мотались. Хорошо помню, как приезжал с очередных и каждый раз мы с ней, совсем малюткой, словно заново знакомились: дочка ко мне привыкала. Даже папой назвала очень поздно (правда, и маме пришлось подождать). Тут никакие подарки не помогали, а их хватало! Хотя сама Каролина говорит, что уже лет в десять как-то по-детски смекнула: да, папа чаще появляется в телевизоре, чем дома, но это компромисс ради каких-то клёвых вещей, которых не было у других детей, довольно высокого для того времени уровня жизни. Плюс творческий образ жизни в семье. Особенно пока не было своей квартиры, частенько отправляли дочку в Борисов к родителям жены. Бывало, утром на такси отвозишь, возвращаешься сразу в Минск, а вечером с тем же таксистом уговариваешься на обратную дорогу. Прямо из ресторана «Каменный цветок», случалось, забирал нас «мотор».

Недавно у дочери спросили: а как это, когда твой отец — популярный на весь Советский Союз музыкант? Мне и самому было интересно услышать её ответ: признаюсь, никогда и не задумывался о том. Каролина сказала, что ребёнком она долго считала, будто и всех родителей её сверстников на улице узнавали, подходили руку пожать, поговорить за жизнь. И даже когда разобралась, не придавала особого значения фактору «Песняров» — списала всё не столько на мою известность, сколько на общительность. Да и друзья, чьему мнению я доверяю, говорят: не «звездил» даже тогда, когда нас на руках были готовы носить.

ПОРТРЕТ ЗАКЛЕИЛИ ЖЕНА С ТЁЩЕЙ

Признаться, сколько ни вспоминаю, ни мучаю себя, но, кажется, по «звёздным» делам слабину дал только однажды — с первыми афишами. И это тоже касалось семьи. Дело было так: на каждого артиста ансамбля сделали по отдельному тиражу больших плакатов с портретом. Шли сплошные успехи, и до того хотелось смотреть на эти плакаты постоянно, что я оклеил ими как-то часть стены в квартире. Правда, «звёздную болезнь» вероломно пресекли

Ну и ещё немного о том, как были хороши наши костюмы: афиши «Песняров» они украшали не меньше, чем наши улыбки

первая жена и тёща: приезжаю я с гастролей, а на месте «доски почёта» — банальные обои в цветочек. Обидно вдвойне, потому что у меня и плакатов-то этих больше не осталось — всё ушло на угробленный «декор» и сувениры.

ПОПУЛЯРЕН НЕ ПОПУЛЯРЕН — ПОЛУЧАЙ!

Но, конечно, были в «Песнях» и те, кто впитал минусы нового положения. Не зря же говорят о славе как о бремени, о грузе — не все такую ношу выдерживают. Например, когда Володи не стало, амбиции некоторых «преемников» уже затмевали его, руководителя. Хорошо, что таким сама жизнь указывает их реальное место. А если бы большинство из нас рванули по этому пути? О группке придурков с паршивыми привычками забыли бы очень быстро. А ведь именно чёткая позиция Мулявина не давала расслабляться. Популярен не популярен — работай качественно, не жалея себя, слушай замечания, совершенствуйся. Лажай, берёшь фальшивые ноты — получай втык! Пусть даже ты самый узнаваемый артист в коллективе сегодня. Всё она, школа ансамбля! Потому-то за годы в «песняровской» теме лишь после редких концертов можешь сказать себе: «Класс! Всё отлично!» И для «Белорусских песняров» это всё ещё актуально: ведь репетируем куда меньше, чем раньше. (Особенно дёргались перед концертом с оркестром, хотя и прошло всё на уровне.) Только расслабься — как окажешься перед полупустым залом в ряду толстых безголосых мужиков. И какие уж тут «звёздные болезни»: почти двадцать лет стабильной работы по второму кругу псу под хвост полетят!

СОЛО БЕЗ «ПОНТОВ» И МУЗЫКАНТЫ ПОКРУЧЕ

А вообще, популярность — это ежедневная пахота. И на концертах, и в студии, и с теми же импровизациями или соло. Скажем, в «Песнях» поначалу сольные фрагменты были только у Володи Мулявина как у гитариста. Но ещё в «Лявонах» он написал и мне пробный кусочек в аранжировке песни для Эдика Мицуля, когда тот ещё работал с нами «паровозом». Причём не принято было «понтиться», дёргаться в конвульсиях, бежать в центр сцены: партия саксофона — просто сделай шаг вперёд! Так и в «Гусяре»: поднялся со стула, отыграл флейтовую импровизацию в луче прожектора и снова сел. Да и какие понты, когда рядом музыканты куда покруче: Ткаченко, темпераментный Растопчин, ни с кем не спутаешь Паливоду и Демешко... Или когда, что называется, заполучили классного профессионала Толю Гилевича — нашу первую удачу, одного из лучших музыкантов Минска, а то и просто — лучшего.

Без консерваторского образования, после училища, он сыграл колоссальную роль в «Песнярах». Помню, как его блестящее фортепианное соло с бесконечными вариациями преобразило почти частушку «У місяці верасні!» Не зря Мулявин в своей аранжировке оставил этот кусок ненаписанным, доверил его таланту Толи. Мулявин в тех же «Завушніцах» отрывался каждый раз по-новому: думаю, он и возвращался к этой песне и в начале 1990-х, и на тридцатилетии «Песняров», потому что кайфовал от неё. Ну а для Валеры Дайнеко импровизация, особенно джазовая, — родная стихия. Вроде красочки, детальки, а шикарную концовку «Зачарованай» всегда ждёшь: как он соригинальничает сегодня? Это уже почерк, характер Дайнеко-музыканта.

«СТАРИК, ИЗВИНИ: КАБАК...»

Ну а горжусь дуэтом с известным тенористом Сергеем Гурбеловшивили к фильму «Ясь и Янина»: я играл на флейте. Поимпровизировал я в развёрнутом ярком саксофонном соло в «Песні пра Долю». Но это исключение: Мулявин редко писал под саксофон, а тут нужна была героика — вот и нашлось место для меди. Володя вообще часто повторял в те годы: «Старик, извини, но сразу представляю кабак, ресторан — и ничего с собой не могу поделывать...» Это не считая

Три заслуженных (Мицевич, Дайнеко, Пеня), а также первый и последний президент СССР Михаил Горбачёв — всего четверо. 1999 год. Кстати, после этого кадра Михаил Сергеевич спросил у меня, указывая на саксофон: «Соло будете?» Я, удивлённый его интересом, только кивнул в ответ

всяких подколок на тему моих потуг на саксе, которые я, признаюсь, в пылу кайфов и работы пропускал мимо ушей. Так что только тогда я для себя и уяснил, почему так хотелось ему в своё время, чтобы я побольше пел, а не «дул». Для Вовы звук саксофона ну никак не вписывался в обработку народной песни, а может, не видел он у меня как у саксофониста особых перспектив. И ведь не пацаном я уже был, взрослым дядькой, а так комплексовал — руки опускались!

«Спас» Валера Дайнеко, когда не пожалел меня в огромной сложной партии саксофона в аранжировке народной «А дзе была вуціца?». Он писал, не спрашивая у меня, сыграю я это или нет, — наоборот, гонял за ошибки как пацана. Зато ресторана здесь и в помине не было: так саксофон в «Песнях» ещё не звучал, и я от этой работы балдел. В «Лиличке» на стихи Маяковского саксофонное соло вроде музыкально простое, но сложное физически. И на таком контрасте оно очень интересно для меня. (Сохранилась, кстати, запись репетиции, где Володя даёт указания по моей игре в этом фрагменте, хотя, наверное, только мне теперь и ясно, чего касались эти ремарки.) Когда переслушал «Лиличку» в разных вариантах концертных записей, в своём звуке не услышал кабака. Так что к себе особых претензий не имею, да и Вова больше не упрекал.

Я всегда понимал, что сольные фрагменты для моих инструментов — это не более чем эпизоды в композициях «Песняров», иногда развёрнутые. И не тешил себя надеждой на то, что их ждут в концерте или на записи. Только один случай был такой. Как-то уже «Белорусскими песнями» в закулисы одного концерта встретили Михаила Горбачёва. Попросили сфотографироваться с нами первого и последнего президента СССР. Когда убрали фотоаппарат, Михаил Сергеевич указал на мой саксофон: «Соло будете?» Я кивнул, а Горбачёв, наверное, с надеждой ушёл в зал на своё место.

Не помню, успел ли я сыграть соло до того, как Михаил Сергеевич вышел на сцену между нашими песнями, потому что на дальнейшее выступление он уж точно не остался. Во время спича бывшего президента атаковала женщина с большим букетом роз. И вручила она его оригинально, со всего размаха. Наверное, под девизом «Такую страну развалил!».

Грустный повод для лучшего соло

На пять лет опоздала запись потрясающей «Перапёлачки». А ведь как тонко, с потрясающим чувством формы, результата Мулявин осмыслил эту композицию! Не боясь длиннот, Володя прочёл магические повторы «Ты ж мая, ты ж мая перапёлачка...» так, чтобы

и своё слово в музыке сказать, и возвести эту древнюю песню до вершин философии бытия. Отсюда и органика в репризах, и драматизм в распевках. В принципе «Перапёлачка» — доказательство, что для полотно-размышления нужен талант, как у Мулявина в лучшие годы. Кстати, совершенно естественно вошла в пьесу и первая для ансамбля импровизация флейты (их, кстати, не так уж много было, хотя флейта куда более «песняровский» инструмент, чем саксофон: она приятно звучала с белорусским языком). К ней я не делал заготовок: каждый раз на концерте пробовал играть по-новому. Конечно, неудач оказывалось больше... А острее всего запомнил исполнение на ялтинском концерте, который «Песняров» заставили отрабатывать в день гибели Валеры Мулявина. И было всё написано не для тех обстоятельств, но от их гнёта на «Перапёлачцы» плакали и мы, и весь зал. Никогда больше не играл свою партию с таким воодушевлением — предел моих возможностей.

ВАЛЕРУ УБИЛИ, А ВЫ — «НЕ БУДОРАЖЬТЕ»

В общем-то, с милиционерами мы дружили и дружим. Но хватало и серьёзных встреч. Первая из таких, не по дружбе, а по службе, как раз и произошла в июле 1973-го в Ялте. Тогда погиб Валера Мулявин. Прямо в день переезда из Севастополя нам поставили три концерта в ялтинском Чеховском зале, назавтра — ещё два. Так что день рождения Коли Пучинского вечером отмечали символически — по рюмочке и разошлись. Володя Мулявин отправился в хорошую гостиницу «Ореанда», куда его одного поселили ещё днём. Остальные — в старый отель к Морскому вокзалу. Кто ночевать, а кто и за вещами, ведь переселить в гостиницу получше обещали всех — когда освободятся номера. Правда, я переезжать не хотел: хорошо проводил время с девушкой. Зато Валере Мулявину нашли место в «Ореанде» уже к вечеру, и после концерта он сказал, что пройдётся от зала до гостиницы. На том и расстались навсегда. Часа в четыре ночи ансамбль разбудила милиция с новостью: Валеру убили! У Володи Мулявина земля из-под ног ушла, удар под дых для всех нас, полная растерянность, но вечерний концерт нам никто не отменял. Наоборот: выступайте! Припомнили ещё скандал в Волжском, даже пьяный дебош артистов за причину случившегося всерьёз считали. Короче, топтали Володю морально, а у него в голове одно: брат родной, что за отца был, в морге лежит... Конечно, «Песняры» выступили. Кто со слезами на глазах, кто с комом в горле: нельзя же общественность «будоражить». Но выглядело всё это профессионально, без срывов, хотя по ту сторону сцены многие ялтинцы и курортники уже знали о произошедшем. И за то, что никто не улыбался со сцены, нас не упрекнули.

ТАК И УЗНАЛИ ПРО «ГРУЗ 200»

А через день Тышко, Демешко, я, наш директор на тот момент Лёва Божко (всех, кто помладше, тех же Борткевича и Кашепарова, сразу в Минск отправили) вместе с Володей решали вопросы с похоронами. И всё сами, никто не помогал: в морге переложили Валеру в цинковый гроб, а работяги только вбили гвозди в тяжеленные деревянные доски поверх. Потом сопровождали покойного Валерку из морга в аэропорт, а там — самолётом в Минск. Так и узнали, что такое «груз 200» (вспомнил термин, когда он с афганской войной вошёл в повседневность) — от земли не оторвать!

Это уже потом шушукались про версии, хоть дело и спустили на тормозах. В Ялте нас гоняли к прокурору. Припугивали, снова Волжский припоминали: вы думаете, говорил прокурор, мы ничего не делаем, но никто не забыл и вашей дерзости... А версия милиции, в которую «следаки» упёрлись как в единственно верную, в наших глазах имела ничтожную вероятность: Валера сел на парапет покурить, а рядом проехала поливальная машина — от испуга он не удержался и упал. Но упасть и насмерть разбиться с двух метров... Так что всерьёз принимали другое: советские уголовники, которые тратили в Сочи да Ялте деньги пачками, убили Валеру не разобравшись. В карты вроде бы проиграли «главного» Мулявина, Володю...

«ОБЩАК» И ПТИЧКА

Лицом к лицу с убийствами, к счастью, мы в ансамбле больше не сталкивались. Кражи? Ещё в конце 1990-х уже мою минскую квартиру обчистили. По наводке, не иначе: положили под дулом пистолета сына Диму с его девушкой Олей, нашли «общак» «Белорусских песняров» на инструменты (двести — триста долларов). Правда, пикантность ситуации была в том, что грабители не стали искать ещё пятьсот — шестьсот баксов моих отпускных. Я уже готов был отвечать перед ребятами из своего кармана, повременить с отдыхом и так далее, но они простили, тем более появились «халтуры». Однако по-настоящему тогда пострадали отношения Димы с Олей: они расстались. Правда, через семнадцать лет снова сошлись, и теперь уже взрослыми людьми поженились. Ну а мы с женой Олей, моей Птичкой, радуемся маленькой внучке Катеньке. Кстати, может, оттого, что без Птички я как без рук, внучка в подражание любит схватиться за нос и счастливая хохочет! Птичка подрастает! Это я как опытный дед говорю — Птичка-старшая стала бабушкой совсем недавно.

УЧКУДУК — ЗОНЫ, А НЕ КОЛОДЦЫ

В этом составе отработали однажды по просьбе знакомого телевизионщика шефский концерт в минской колонии, где он сидел

(правда, самого его пустили тогда на встречу с женой — не до искусства). Так вот, после выступления заключённые подарили нам хлебницу с вырезанным словом «Песняры», которую (и только её) «увели» спустя пару лет с моей дачи — больше ничего воров не заинтересовало. А вот в лагерях не выступали. Правда, для армейского дисциплинарного батальона ещё в прежние годы как-то давали концерты. Помню, они всё кричали: «Баб давай, баб!» А у нас одни мужики... Короче, не угодили. Ну и в узбекском Учкудуке места специфические: вокруг Дёма культуры не три колодца, а сплошные зоны, так что публика собиралась соответствующая.

По Минску ездил пьяным

В какое-то время я и сам себя загнал на лезвие ножа. Впервые об этом говорю, а ведь лет пятнадцать частенько по Минску ездил подвыпившим. Бывало, в кабак понесёт, а наберёшься — и давай выкаблучиваться: какое там такси... А любая репетиция на нашей точке в военном городке под Минском гарантированно заканчивалась «симпозиумом». После него оставалась самая малость — без колебаний проехать милицейскую будку на въезде в город. Но в какой-то момент на меня будто просветление снизошло — больше такой слабину себе не позволяю. Тогда же, думаю, не попался я гаишникам потому, что ездил уже поздно, по ночным улицам.

Хотя одного из директоров ансамбля, Лёню Знака, таким же поздним вечером гаишники остановили ровно возле здания белорусского КГБ. Он после двух стаканов — весь салон пропах перегаром. Казалось бы, бери да оформляй! Но спасла Лёню от неминуемых последствий... трубка: не показывает промилле, сколько ни подносили её явно захмелевшему Знаку дыхнуть. И пришлось гаишникам отпустить Лёню, да ещё и извиниться. Но попался наш директор на другом — дважды выплатил суточные: то ли ошибся, то ли на выпить-закусить не хватало — кто теперь разберёт. Но дело Лёни дошло до суда. Считаю, спас его тогда милицейский начальник Николай Чергинец, сегодняшней председатель Союза писателей Беларуси.

Хасаныч и «ОБЕЗЬЯННИК»

На волне своих пьяных поездок однажды я даже в «обезьянник» с нашим рабочим Гришей Шнейдерманом загремел!

Мы, как, наверное, все минские музыканты, когда магазины закрывались, любили добавить в ресторане «Каменный цветок». Дежурный Хасаныч выносил нам алкоголь, а ещё и руководителя местного ансамбля Алика Волочинского мог позвать, теперь крупного московского бизнесмена. Не работал «Цветок» только по понедельникам. В один прекрасный зимний вечер мы с Гришей, уже накачанные,

забыли про это. Рассчитывая на безотказного Хасанычча, колотим в двери. Вдруг сзади раздаётся: «Какой, на ***, Хасаныч? Сегодня понедельник, закрыто!» Милицейский патруль, конечно, удивился нашему странному виду: без верхней одежды посреди зимы (мы-то прикинули, что до «Каменного цветка» из минского Зелёного Луга, где мы «зависли» тем вечером, рукой подать). Так что нас отвели в отделение и посадили в «обезьянник». Пока разбирались, я всё просил выпустить меня до машины, чтобы освободить из неё Раю, жену покойного Валеры Мулявина, которая оказалась с нами в одной компании. На это только услышал: «Так ты пьяный да ещё и на машине!..» Я уже ждал, что получу по полной, но помог Олег, сын знаменитого футболиста и тренера Сан Саныча Сивидова. Он тогда был следователем в милиции и просто отпустил нас с Гришей поутру, уже протрезвевших. Но перед Раей было неудобно, конечно. Кстати, эту историю я держал в тайне — впервые о ней говорю.

За Валацугу к прокурору

Ещё один случай грозил мне и Демешко реальным уголовным делом. Закрутилась история вокруг Лёни по прозвищу Валацуга — приятеля многих «песняров» (я, например, не раз оставлял ему свою машину). Жил он один, правда, посидел в тюрьме уже раза три (в основном из-за женщин). Его весёлый нрав стимулировали водившиеся у него деньги и прочие «кайфы». А на волне репатриации евреев Валацуга вспомнил и своё происхождение по материнской линии, и кучу родственников в Израиле и США — вплоть до родного брата. В общем, подал документы. Но вместо вызова с Ближнего Востока под Лёню стали методично (само собой, успешно) копать родные органы. Накатали, что он содержал притон, что у него «песняры» тем-то и тем-то занимаются, что ездит он на чужой машине (на моей), припомнили, что в армии не отслужил... В общем, интеллигентные статьи. А ещё в квартире обнаружили шприц. Те, кто Валацугу знал, не удивились: он имел медицинские навыки и делал подпольно уколы от триппера. (Кроме этого, от медицины Лёне перепала вторая кличка — Доктор-Орнитолог: он путал орнитолога с венерологом и в своей версии убеждал многочисленных дам.) Но для следствия весь «цимус» истории — появление в ней по многим эпизодам некоторых «песняров».

Пока Валера Дайнеко, Шурик Демешко и я выворачивались всеми силами, ещё один наш артист под небольшим нажимом сдал всех. Тогда под прицелом оказались я и Шурик. По повесткам, как на работу, мы ходили каждый день в только-только отстроенное здание прокуратуры, а у кабинетов — многочисленные пассии Валацуги. Заместитель городского прокурора меня запугивал: мол, зря

Редкий снимок: на первом плане — заведующий постановочной частью Григорий Шнейдерман (а начинал он вместе с нами простым рабочим сцены). 1986 год. Фото: Юрий Иванов

строишь из себя героя. А потом, несмотря на наши просьбы, стали давить на семьи. Вызовы получала, например, моя первая жена Татьяна: конечно, её эта история немало взбудоражила... Но всё-таки давили как-то осторожно: а вдруг появятся какие-то сильные аргументы в нашу пользу? Так и вышло. Хорошие люди познакомили меня и Шурика с судьёй, который вёл процесс. Тот сразу пояснил: единственное, чем сможет помочь, — провести нас как свидетелей. Окончательно выручило то, что по Минску поползли слухи о «песнярах», которых вот-вот посадят. Информация дошла до самого верха, до Машерова. Ему доложили, что придётся привлечь таких-то артистов ансамбля за моральное разложение и прочее в том же духе. Пётр Миронович ответил, что не станет вмешиваться, коль есть за нами вина. Но добавил, что вместо них петь и защищать честь республики, наверное, придётся кому-то из прокуратуры. Мол, подберите кандидатуры. После этого суд, на котором Лёню засудили за сутенёрство, прошёл в заочном режиме, а «Песняры» выехали на гастроли. В общем, положительное влияние извне

порой совсем не лишнее. Уже в 1990-е всё это подтвердил «следак», который вёл эпизоды по делу Валацуги. Подполковник в отставке (перед выходом на пенсию он возглавлял отдел по борьбе с оборотом наркотиков и занимался первыми в Минске делами по этой части), этот знакомый стал генерал-майором казачьих войск. И с ним, и с тем судьёй я остался в хороших отношениях.

Но так просто закрыть дело было, видимо, нельзя. И вдогонку на нас с Шуриком пришли частные определения. То есть общественность обязана была нас порицать. Так что согласно письму из райкома партии нам промывали мозги в филармонии. Во главе активничал партийный организатор. Ну а как иначе? Пятно на биографии требовалось иметь.

ДЕЛО НА «ПЕСНЯРОВ»

Наверное, в «благодарность» за то, что мы работали на больших площадках за прежнюю ставку, ансамбль обвинили в торговле своими же пластинками. Поступил сигнал: мол, во Дворце спорта Ростова-на-Дону «песняры» чуть ли не с рук втридорога сбывали свои же диски, которые можно было купить в любом музыкальном магазине Советского Союза за копейки! История то затухала, то снова выволакивалась на свет. Поначалу всё те же Антонович с Михневичем в кабинете последнего распекали — и, считай, допрашивали — нас вместе и по одному. Их интересовало, в каких городах мы могли «толкать» пластинки, — и давай шпарить по гастрольному графику. До сих пор помню их лица в тот момент: мол, сейчас как подловим! Но ни милиция, ни партия ничего не нашли, хотя копали целенаправленно! (Со временем в московском отеле «Россия» мы уже точно знали, где именно, в каком номере сидит «наш следак» по пластинкам — филиал Лубянки.) Я ещё подумал тогда: ладно московские — там все начальники, что следователи, что партийные, но вы же свои, минские. Откуда такие полицейские подходы, почему такое желание попить чужой крови, унижить? А ведь к «пластиночному» делу в какой-то момент подшивали ещё одно. На концерты «Песняров» прорывались фотографии от имени газет и журналов, а уже на завтра перед концертами загоняли отпечатанные снимки ансамбля. Когда одного из таких дельцов взяли с поличным, нашли у него наши фото с автографами. Значит, делался вывод, подельничали, а это, считай, приговор, хотя мы и не знали, для кого и где расписывались... Но о фотографиях забыли быстро: мелочовка на фоне защиты государственного винилового бизнеса. И всё-таки фотографов на концертах мы какое-то время остерегались, а иногда даже запрещали съёмку. Мало ли...

Хорошо еще, что не додумались нам предъявить кассету, записанную из зала — как раз магнитофончики бытовые стали появляться.